

The background of the book cover is a watercolor illustration. It features several ripe, red pomegranates with their characteristic crown-like crowns. Green leaves of various shapes and sizes are scattered around the fruit. Some leaves are a vibrant green, while others are a muted olive or yellowish-green, suggesting different stages of growth or perhaps autumn foliage. The style is soft and painterly, with visible brushstrokes and a gentle blending of colors. The overall composition is balanced, with the fruit and leaves framing the central text.

Митрополит
Антоний
Сурожский

Красота и уродство

Беседы об искусстве
и реальности

2-е издание

митрополит Антоний Сурожский

**Красота и уродство. Беседы
об искусстве и реальности**

«Никея»

2016

УДК 246
ББК 86.372

Сурожский м.

Красота и уродство. Беседы об искусстве и реальности /
м. Сурожский — «Никея», 2016

ISBN 978-5-907202-35-1

Эта книга — беседы митрополита Антония Сурожского (1914–2003), которые проводились им в 1982 году в Университете графства Кент в рамках чтений, посвященных памяти христианского поэта Томаса Элиота. Владыка говорит о красоте и творчестве, об образах и реальности, об уродстве и безобразии. Материал этот уникален — он никогда еще полностью не издавался в России, и практически ни в одной из многочисленных бесед митрополита Антония нет такого широкого обращения к поэзии и изобразительному искусству. Несмотря на, казалось бы, далекую от богословия тему, владыка наполняет ее глубочайшим богословским содержанием.

УДК 246
ББК 86.372

ISBN 978-5-907202-35-1

© Сурожский м., 2016
© Никея, 2016

Содержание

Предисловие	6
Лекция 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Митрополит Антоний Сурожский

Красота и уродство. Беседы об искусстве и реальности

Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р16-604-0165

Перевод с английского
В. В. Ерохиной под ред. Е.Л.Майданович

НИКЕЯ 

© Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation, 2016

© Ерохина В.В., пер. с англ., 2016

© ООО ТД «Никея», макет, обложка, 2016, 2019

© Седакова О.А., предисловие, 2016

Poem “Ash Wednesday” by T.S. Eliot © Estate of T.S. Eliot.

Reprinted with permission of Faber and Faber. Ltd

Poems “Chanson d’Aventure” and “The Late Passenger” by C.S. Lewis © C.S. Lewis Pte. Ltd.

Reprinted with permission

Книга представляет собой четыре лекции митрополита Антония Сурожского, произнесенные им в 1982 году под общим названием «Смысл и красота» в Университете графства Кент на чтениях, посвященных памяти христианского поэта Томаса Элиота.

Этот материал уникален, он никогда еще полностью не публиковался в России.

В Приложении – стихи Т. С. Элиота, КС. Льюиса, Д. Китса и других.

Предисловие Почему Элиот?

Ольга Седакова

«Элиотовские лекции» удивят всех, кто слышал проповеди, беседы, лекции владыки Антония, митрополита Сурожского; тех, кто, как сам он сказал в своей неповторимой манере, «настолько неразумен, что читает мои книги». К этим очень многочисленным неразумным отношусь и я (стоит заметить, что книги митрополита Антония читают в переводах на многие языки, поскольку он принадлежит к самым авторитетным и любимым духовным писателям современности). То, что я читала в 70-е годы, были еще не книги (до советской Москвы они не доходили), а самиздатские списки проповедей и бесед, и эти машинописные списки были событием моей жизни. Уже позже мне выпало счастье слышать владыку вживе, на «подпольных» встречах в московских квартирах, а потом и в Лондоне... Владыка совсем не часто вспоминал в своих беседах поэтов, художников, да и вообще искусство. Он и в частных беседах не раз говорил, что слишком мало во всем этом сведущ, что опыт художника – иной, чем его, монашеский опыт. И вот – Т. С. Элиот и беседы о красоте. Мы встречаемся здесь с владыкой Антонием, которого еще не знали.

Кроме Т. С. Элиота, с которого все начинается, мы увидим на этих страницах ссылки на Данте, Гёте, Сервантеса, Диккенса, Гоголя, Достоевского, Вл. Соловьева, Гофманшталя, Брехта, Шеффеля, Нерваля, Бодлера, Валери, Малларме, Китса, Э. По, Л. Козна, Ч. Вильямса... На художников: Родена, Жерико, Утрилло, Ван Гога, абстракционистов. И – совсем неожиданно – на работы по теории архитектуры, на геометрические образы эллипса и параболы, с которыми связан один из самых интересных мотивов этих бесед о красоте. И на европейских мыслителей, психологов, историков культуры: Ницше, Шопенгауэра, Юнга, Маль-ро, Леви-Брюля... Я перечислила далеко не всех участников этих бесед. По большей части это писатели, художники, мыслители эпохи модерна, то есть той тревожной и драматической эпохи, «сложной» мысли и формы, с которыми наша церковная мысль общаться не привыкла. И обращение владыки к своим собеседникам неизменно внимательно и сочувственно, без малейшей тени учительства. Размышляя о красоте, владыка хочет «избежать клерикализма и не говорить с точки зрения Священного Писания». Он даже отказывается от идеи слушателя, предположившего, что его представление о красоте сформировано православной иконой. Не знаю, как вам, читатель, мне трудно вспомнить православного писателя, который удержался бы от того, чтобы указать, в чем ошибался Ницше или чего не мог понять Стефан Малларме – и тут же образумить этих невегласов-безбожников словами «святых отец». Но владыка, если он в чем-то не согласен с Эдгаром По или Карлом Густавом Юнгом, возражает им как мыслящий человек мыслящему человеку. Если же он сочувственно приводит чьи-то слова (как, например, суждения Ницше о ценности хаоса, которому не следует предпочитать какой угодно «порядок», поскольку хаос полон новых творческих возможностей), то и не думает вспоминать при этом религиозной неблагонадежности автора «Заратустры».

Но почему все-таки Т. С. Элиот?

По первым же словам владыки – почти случайно. Ему однажды подарили книгу Т. С. Элиота «Убийство в соборе» со словами, что это драма о нем, о том, что с ним произойдет. В 1982 году, когда читаются эти лекции, владыка «все еще ждет исполнения этого пророчества». Вот как будто и все. По ходу бесед владыка возвращается к Элиоту еще пару раз, но бегло. Так что тот, кто ждет от «Элиотовских лекций» развернутого разговора о Т. С. Элиоте, поэте,

драматурге, эссеисте, его не найдет. Речь в них идет о красоте и безобразии (тоже, казалось бы, не самых центральных для Элиота темах; вообще красота в эпоху модерна становится вещью оспариваемой, – во всяком случае, традиционное представление о красоте). И вместе с тем, я думаю, название этих бесед «элиотовскими» точно и глубоко. Я попытаюсь объяснить, что имею в виду.

Зрелый Т. С. Элиот – в отличие от большинства своих творческих современников и в полемике с ними – поэт христианского и, больше того, церковного вдохновения. В те времена, которые другой большой христианский поэт XX века, Поль Клодель, назвал «временами великой апостасии»¹, в эпоху, когда «высокая современная культура» и агностицизм становятся почти синонимами, открыто принять позицию конфессионального автора – большой вызов. Он требовал мужества. Мужество всегда присутствует в письме Элиота – как общий тон его стиха и мысли, как их ритм. Мужество слышится в каждом слове и жесте владыки Антония, это тон и ритм его веры, его свидетельства. Митрополит Сурожский и британский поэт (по мнению многих – первый поэт Европы XX века, «новый Данте») встретились в том, как оба они слышат дух своего времени. Мужеству в этом времени принадлежит важнейшая роль.

Час мужества пробил на наших часах.²

И нужно заметить, что это некое новое, особое мужество: не просто готовность принять какой-то реальный вызов, но сила отказаться от всего, что тебе представляется известным, в чем ты уверен, без чего, как тебе кажется, ты не сможешь жить. Это новое мужество едва ли не труднее прежнего.

Я сказал душе моей: молчи, и жди без надежды
Ибо надежда может быть надеждой
на что-нибудь ложное; жди без любви
Ибо любовь может быть любовью к чему-нибудь
ложному; есть еще вера.
Но вера, любовь и надежда, они все – в ожиданье.
Жди без мысли, ибо ты не готова к мысли;
Именно так темнота превратится в свет
и неподвижность в танец³.

Это стихи из третьей части «Ист Кокера», второго из «Четырех квартетов» Т. С. Элиота. А вот знаменитые стихи из второй части того же «Квартета»:

Не говорите мне
О мудрости стариков, лучше об их дури,
Об их страхе бояться и терять разум,
их страхе обладать,
Принадлежать другому, или другим, или Богу.
Единственная мудрость, которую мы можем
надеяться обрести, —
Это мудрость смирения: смирение бесконечно.

¹ Отступничества; имеется в виду отступничество европейской цивилизации от собственной христианской традиции.

² Из стихотворения Анны Ахматовой «Мужество», 1942

³ Здесь и дальше я привожу стихи Т. С. Элиота в моем по возможности буквальном переводе.

В этих и многих других стихах Элиота я слышу глубокое созвучие с мыслью владыки Антония, и еще больше – с ним самим: здесь как будто звучит тот же колокол. Колокол, который не раз поминается в «Квартетах», – и колокол, о котором замечательно говорил в одном из своих слов владыка Антоний.

«Убийство в соборе», с которого начинаются лекции, – великая христианская трагедия XX века. Средневековье, классическая эпоха христианского искусства, такого жанра не знало. По мнению многих, трагедия (в смысле классической античной трагедии) и христианство вообще несовместимы: глубокая вера как будто отменяет трагизм. Средневековое христианское искусство в целом не трагично (и особенно – византийское искусство). Его самым общим образом можно назвать псалмодией или, по удачно найденному Данте слову, теодией: песнью Богу, славящей, благодарящей или покаянной.

Трагическое пламя всегда было заключено в литургических службах Страстной седмицы, в мистериях Страстей.

– Боже мой! Боже мой! Для чего Ты Меня оставил? (Мк. 15: 34.)

– Люди мои, что Я сделал вам? (Из песнопений Великого Четверга.)

Но это пламя хранилось, как в сосуде, в сложно и тонко организованной, иерархической, символической структуре мира и смысла, который выстроило христианство, в привычном обиходе, в семейной и национальной традиции христианских стран. XX век, как никогда прежде, услышал этот трагизм совсем открыто: трагизм святости.

Православный священник, подаривший владыке Антонию «Убийство в соборе» как пророчество о том, что с ним произойдет, несомненно, был поражен не только сюжетом, но самим сходством владыки с протагонистом пьесы, святым Фомой Бекетом, архиепископом Кентерберийским. В самом деле, эта близость удивительна: как будто Элиот, изображая английского католического иерарха-мученика XII века, видел перед собой митрополита Су-рожского. Каждый, кто встречал владыку Антония и читал трагедию Элиота, с этим согласится. Прежде всего, они похожи тем, насколько радикально (одно из любимых слов владыки) каждый из них отличается от всех, кто рядом с ними, не только тех, кто с ними враждует, но и тех, кто их почитает и любит.

Архиепископ Фома у Элиота противостоит всем остальным действующим лицам пьесы: не только четырем убийцам, подсланным королем Генрихом II, но и четырем священникам, служащим с ним, и хору своих прихожан. Его радикальное отличие от всех них в одном: Фома не может не идти до конца, подчиняясь единственному императиву – правды перед Богом. Остальные не знают абсолютной силы этого императива. Они хотят и требуют от своего архиепископа другого: пожалеть себя и их, не доводить дела до крайности. Они полагают, что компромисс в порядке вещей, что мир таков и другого нам не дано: иначе не проживешь. «Все-таки мы жили!» – поет хор паствы, упрасывая своего епископа удалиться во Францию, откуда он прибыл к неминуемой развязке. Конфликт состоит в том, что Фома не признает за королем права на власть в церкви и (сам бывший придворный) знает, чем такое сопротивление кончается. Последнее из четырех искушений, которые он преодолевает, – мечта о мученичестве, желание мученичества по собственной воле. Фома принимает мученическую смерть не от язычников или безбожников: его убивают в христианской стране люди, которые несомненно считают себя христианами. Убийство происходит в соборе и вписано в структуру литургии.

Тот же хор смиренной паствы, умолявший Фому покинуть их и не делать того, что он делает, в финале прославляет своего нового святого, нового заступника. Как известно, и сам король, Генрих II, приславший убийц, придет на поклонение к месту мученичества Фомы. Такой исторический «хэппи-энд» только усиливает трагичность христианской трагедии.

Владыка Антоний необыкновенно похож на этого героя Элиота. Трудно подумать, что он не узнавал себя в Фоме. Но у Элиота есть образ, еще ближе напоминающий владыку. Это стихи о «раненом военном хирурге»:

Раненый военный хирург внедряет сталь,
Допрашивая поврежденную ткань;
Под окровавленными руками мы чувствуем
Острое сострадание искусства целителя,
Которое разгадает тайную карту лихорадки.

Наше единственное здоровье – болезнь,
Если мы будем послушны умирающей сиделке,
Чья постоянная забота – не угодать,
А напоминать о нашем, и об Адамовом проклятье
И что недуг, чтобы нас покинуть, должен дойти до предела.

Вся земля – наш госпиталь
На содержании банкрота миллионера
Где, если все обойдется, нам предстоит
Умереть от абсолютной отеческой заботы,
Которая нас не оставит, но настигнет везде.

Холодок поднимает от ступней к коленям.
Жар поет в проводах ума.
Чтобы согреться, я должен окоченеть
И дрожать в ледяных кострах Чистилища
Чье пламя – розы и дым – шиповник.

Каплющая кровь – наше единственное питье,
Кровавая плоть – наша единственная еда:
При этом нам нравится думать
Что мы нормальная, реальная плоть и кровь —
И вновь, несмотря на все, мы называем
эту Пятницу благой ⁴.

Это четвертая часть того же «Ист Кокера». Она написана регулярными пятистишиями, в острой метафорической манере любимых Элиотом поэтов-метафизиков XVII века. Она создает удивительный образ Страстей Христовых: Спаситель на Кресте – раненый военный хирург, рассекающий скальпелем больное человеческое сердце. Хирург Элиота – распятый Христос Великой Пятницы. Но каждый раз, перечитывая эти стихи, я не могу не думать о владыке Антонии. Не только потому, что перекличка с фактами его биографии слишком очевидна: медик, хирург по светскому образованию (некто от хирурга в нем навсегда осталось, и это чувствовал каждый, встречая его бесконечно сочувствующие глаза), участник Сопротивления. Но связь глубже: в его слове, в его жизни мы слышим то же исцеляющее человека и безжалостное к себе страдание и «искусство сострадания», разгадывающее тайную карту нашей болезни и немощи.

⁴ Good Friday, Благая (добрая, хорошая) Пятница – в православной традиции она именуется Великой Пятницей.

Т. С.Элиот (позволю себе такое предположение) узнал бы во владыке Антонии героя, к которому стремилась его поэзия и которого он находил в древних преданиях о святых (в Фоме Бекете, в Юлиании Норвичской, словами которой кончаются «Четыре квартета»), но, вероятно, не встречал в жизни. Здесь, во владыке, он увидел бы наяву то «состояние окончательной простоты», *a condition of complete simplicity*, которого взыскала его поэзия и мысль.

Я не стану комментировать общие мысли «Элиотовских лекций» о красоте и уродстве: они говорят с читателем сами, и в них больше неожиданного, чем можно себе представить. Я позволила себе только дополнить эти беседы тем, что в них прямо не сказано. А из того, что сказано, приведу слова владыки Антония из последней лекции: они о связи того мужества, того трагического героизма, который мы вспоминали в связи с Элиотом, – и красоты: «...мы должны быть готовы столкнуться лицом к лицу с тем, о чем я уже говорил, – с жизнью как хаосом, с таинственной реальностью, полной возможностей, несущей в себе потенциал возможностей, которые еще не проявились и которые, когда проявятся, могут напугать нас, если мы не готовы вырасти в их меру. И в этом смысле *как красота, так и уродство требуют от нас величия*: мы не сможем смотреть в лицо уродства, пока не дорастем до его уровня, пока не будем готовы посмотреть на него с дерзновением, с готовностью бороться не на жизнь, а на смерть, но не мириться с поражением и унижением». В этом непримиримом требовании величия, как это ни покажется странно, и есть та «бесконечность смирения», о которой думал Т. С. Элиот. Здесь в каком-то смысле заключен ответ на слова Великого Инквизитора Достоевского, которыми тот укоряет Христа: «Ты переоценил человека». – «Ты верно оценил человека: он задуман великим. Но для нас Твой замысел бесконечно труден. У нас нет ничего, чтобы осуществить этот замысел: только надежда на Твою помощь».

Лекция 1

Красота и смысл⁵

По тому, как меня представили, достаточно очевидно, что у меня нет никакого права говорить о Т. С. Элиоте ⁶. Единственное, что меня связывает с ним, это разговор с одним православным священником несколько лет назад. Он зашел в мою комнату с книгой в руке, строго посмотрел на меня и произнес: «Я принес вам книгу, в которой описано то, что произойдет с вами» – и подарил мне «Убийство в соборе» Т.С.Элиота. Я все еще жду исполнения его пророчества, и та беседа – единственное основание для моего выступления здесь. Кроме того, меня интересуют поэзия и красота, прежде всего потому, что для меня красота – это имя Божие, и здесь я соглашусь с моим другом, который однажды, много лет назад, сказал: «Когда Бог смотрит на человека, Он видит в нем не добродетели или достижения, которых может и не быть, но ту красоту, которую ничто не может уничтожить». Поэтому, в моем понимании, предельный смысл вещей можно определить как красоту – или, наоборот, как уродство.

Я бы хотел говорить о смысле, потому что, независимо от того, осознаем мы это или нет, мы связаны с окружающим миром только в той степени, в которой он несет для нас какой-либо смысл. Невозможно иметь связь с тем, что не имеет для нас никакого смысла, никакого значения. Это можно сравнить с языком: когда мы слышим речь на языке, которого не знаем, через некоторое время, когда мы перестаем слушать его мелодию, мы отключаемся. Поэтому я буду говорить о красоте как высшем откровении творения и Творца и о смысле как неотъемлемой части жизни во всех ее выражениях, который тоже является существенным элементом красоты.

Выражение смысла может составлять центр поэзии и других видов искусства. Поэт (и мы можем вспомнить, что по-гречески «поэт» – это творец, создатель) – это человек, чье призвание – передавать смысл, извлекать смысл из окружающего мира, раскрывать для нас глубину и значение вещей, которые большинство из нас не способны увидеть и еще чаще не способны выразить. Смысл можно передавать разными способами: не только через поэзию – через слова, ритм, звуки; не только через музыку. Есть множество способов, как этот смысл доходит до нас. И я могу дать вам несколько примеров. В одной из книг французского поэта Виктора Гюго есть страница, на которой стоит дата, а после нее – многоточие. В этот день он пережил такую утрату, которую невозможно было выразить словами ⁷. Ни один звук, ни одна мелодия не могли ее передать; она могла быть выражена только в молчании. Эта пустая страница выражает смысл в такой же степени, в какой он может быть выражен словами, и даже лучше, чем любые слова.

Есть рассказ из истории Востока о персидском царе, который потерпел поражение от соседнего государства. Его взяли в плен вместе с сыновьями, многочисленными членами его семьи и друзьями. Победители приговорили их к смертной казни у него на глазах. Царь горько оплакивал их, но в момент, когда казнили его сына, он не мог пролить ни одной слезы. И тогда, глядя на него, его враг сказал: «Как велико должно быть горе, которое даже и слезы не находят для своего облегчения».

Это пример такого молчания, когда единственной возможностью выражения остается только безмолвие, только застывшая неподвижность сдержанной скорби может выразить то, что не способно передать слово.

⁵ Здесь и далее названия лекций даны редактором.

⁶ Томас Стернз Элиот (1888–1965) – американоанглийский поэт, драматург и литературный критик. (Здесь и далее прим, переводчика и редактора.)

⁷ 4 сентября 1843 года у Гюго утонула любимая дочь.

Несколько лет назад кто-то пересказал мне небольшое стихотворение Леонарда Коэна⁸. Я не помню его наизусть, но звучало оно примерно так:

Когда сижу с тобою рядом
В молчании, ты говоришь мне иногда:
«Прекрасно... Как в поэзии...»
О, как я жду тот день,
Когда, прочтя мой стих, ты скажешь:
«Как он прекрасен! Как молчание...»

Я хочу подчеркнуть значение молчания, неподвижности как способов передать смысл в ситуации, когда он не может быть выражен в словах, звуках, движениях, потому что это очень показательно: насколько важно найти подходящий способ, чтобы донести смысл.

⁸ Леонард Норман Коэн (1934–2016) – канадский поэт, писатель, певец и автор песен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.